АНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Судебные речи известных русских юристов

Сборник

2-е издание,
исправленное и дополненное

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

ЮРАЙТ
МОСКВА
2014

УДК 34
ББК 67.7
С89

С89 **Судебные речи** известных русских юристов : сборник / вступ. ст. Г. М. Резника. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 695 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-9916-4281-1

В сборник включены речи известных русских юристов, оставивших значительный след в истории судебного красноречия. Любая из них свидетельствует о незаурядном уме, всестороннем образовании и полемическом искусстве каждого из представленных ораторов.

В книге содержатся краткие биографические очерки о каждом из защитников, необходимые исторические примечания и практические примеры судебных выступлений отечественных адвокатов. В ряде публикуемых речей можно найти интересные рассуждения о роли защитника в процессе, приемах и методах защиты, методике подготовки и произнесения судебной речи и т.д.

Для адвокатов, прокуроров, а также для всех, кто стремится овладеть навыками и культурой публичного выступления, кого заинтересуют замечательные образцы ораторского искусства и вопросы истории отечественного суда.

УДК 34
ББК 67.7

ISBN 978-5-9916-4281-1 © ООО «Издательство Юрайт», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТ РУССКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ
Вступительная статья Генри Резника **5**
УРУСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ 11
ДЕЛО ВОЛОХОВОЙ 14
ДЕЛО МОРОЗКИНА 21
ДЕЛО О 53 КРЕСТЬЯНАХ СЕЛА ХРУЩЕВКИ, БАРОНА МЕДЕМА 31
ДЕЛО ГУЛАК- АРТЕМОВСКОЙ И БОГДАНОВА 39
ДЕЛО О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В КРОНШТАДТСКОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ 61
ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ МАРИИ ДРИЧ 77
ДЕЛО ЛУИ И СУРИНА 91
ДЕЛО САВИЦКОГО И ГАЛКИНА 95
ДЕЛО ДМИТРИЕВОЙ И КОСТРУБО- КАРИЦКОГО 101
Речь А. И. Урусова в защиту госпожи Дмитриевой 101
Речь Ф. Н. Плевако в защиту Каструбо-Карицкого 124
Речь В. Д. Спасовича в защиту Дюзинга 145
ДЕЛО МИРОНОВИЧА 154
Речь А. И. Урусова 157
Речь С. А. Андреевского 172
Речь Н. П. Карабчевского 209
АЛЕКСАНДРОВ ПЕТР АКИМОВИЧ 233
ДЕЛО ЗАСУЛИЧ 239
ДЕЛО САРРЫ МОДЕБАДЗЕ 263
ДЕЛО НОТОВИЧА 316
Речь П. А. Александрова 317
Речь В. Д. Спасовича 357
АРСЕНЬЕВ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ 379
ДЕЛО МЯСНИКОВЫХ 382
ДЕЛО РЫБАКОВСКОЙ 443

ЖУКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ 465
ДЕЛО ГУЛАК-АРТЕМОВСКОЙ 469
ДЕЛО ЮХАНЦЕВА 487
КАЗАРИНОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ 509
ДЕЛО АДВОКАТОВ Л. А. БАЗУНОВА И Г. С. АРОНСОНА 510
ЗАГАДОЧНОЕ ДЕЛО 544
ДЕЛО ПЬЕВЦЕВИЧ 556
ДЕЛО САПОГОВА 563
ХАРТУЛАРИ КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ 573
ДЕЛО МАРГАРИТЫ ЖЮЖАН 576
ДЕЛО ЛЕБЕДЕВА 595
ДЕЛО ЛЕВЕНШТЕЙН 606
ДЕЛО ЛЕВИЦКОГО И ДРУГИХ 620
ДЕЛО РАЗНАТОВСКОГО 628
ХОЛЕВ НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ 637
ДЕЛО МАКСИМЕНКО 640

ЦВЕТ РУССКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ

20 ноября 1864 г. — знаменательная дата в истории России. В этот день были изданы Судебные уставы императора Александра II. Составленные с целью учредить в стране суд «скорый, правый, милостивый», Уставы коренным образом преобразовали отечественное уголовное судопроизводство: безгласность, формализм и канцелярская тайна прежнего инквизиционного процесса сменились состязанием в открытом судебном разбирательстве равноправных сторон обвинения и защиты. Поддержание обвинения Уставы возлагали на прокуратуру, кардинально изменившую свою государственную функцию. Для обеспечения обвиняемых профессиональной защитой создавался институт адвокатуры. По преобладающей категории уголовных дел прокурорам и адвокатам предстояло вести полемику перед судом присяжных.

Судебная реформа всячески тормозилась ретроградами при власти. Особенно часто в ход шел довод «практического плана». «Откуда мы возьмем адвокатов, у нас нет таких специалистов», — замелькало на страницах периодики. Подобная аргументация, надо признать, щедро подпитывалась тем состоянием юридической помощи, какое укоренилось за три столетия в общественном быту. При закрытом и письменном процессе судебное представительство заключалось в составлении и подаче «бумаги» (прошения или жалобы). Занимались хождениями по судейским канцеляриям ходатаи и стряпчие. Их деятельность законодательно никак не регламентировалась. Разношерстная толпа «судоходоков» состояла из мелких чиновников, причем не обязательно отставных, прожившихся помещиков, разорившихся купцов, спившихся и уволенных со службы военных, бывших приказчиков,

интендантов, управляющих имениями и домами и просто сидельцев кабаков и пивных лавок. Ябедники, кровопийцы, чернильные души, «крапивное семя» — вот как называли их в народе. Не было в стране более презираемого племени. В 1960-х годах, когда уже готовилась судебная реформа, в печати даже развернулась дискуссия о самой возможности появления в адвокатуре «людей образованных, честных, благонадежных».

К счастью, скептики были развенчаны. Прав оказался Сергей Зарудный, выдающийся государственный деятель, который внес наибольший вклад в принятие Судебных уставов: «В истории неоднократно бывало так — для крупного дела всегда найдутся крупные люди».

И нашлись! В профессию, основанную на живом, свободном слове, пришли широко образованные, творчески одаренные юристы — с государственной службы, из судов, с университетских и школьных кафедр, из литературы и журналистики, некоторые возвратились из-за границы. Пришли с верой в идеалы и принципы, провозглашенные Судебными уставами, с желанием послужить праву и справедливости, защите личности от произвола власти.

Современники удивлялись, как быстро присяжные адвокаты освоились с новыми, незнакомыми формами судопроизводства и буквально с первых шагов приковали к себе внимание яркими выступлениями на судебных процессах.

За полвека своего существования русская присяжная адвокатура выдвинула из своих рядов немало выдающихся судебных ораторов. В настоящий Сборник включены речи семи из них. Пятеро — дети судебной реформы, двое — ее внуки. Арсеньев, Урусов, Хартулари — адвокаты «первого призыва», Александров и Жуковский — в том же 1866 г., когда Судебные уставы вступили в действие, пришли в обновленную прокуратуру и несколько лет выступали государственными обвинителями. Холев и Казаринов стажировались у «первопризывников» и стали одними из лучших в своем поколении. Случаются уголовные дела, которые рассматриваются неоднократно, повторно, либо такие, где подсудимые находятся между собой в конфликте. Благодаря такого рода нашумевшим в свое время делам — Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, Мироновича, Нотовича — читатель сможет также ознакомиться

с речами участвовавших в них настоящих исполинов слова — Андреевского, Карабчевского, Плевако, Спасовича, которым посвящены отдельные книги данной серии.

От немого судебного процесса дореформенной Руси присяжные адвокаты не могли унаследовать решительно никаких образцов профессиональной защитительной речи. И казалось бы, в таком положении было естественным ориентироваться на зарубежную, славящуюся своими вековыми традициями французскую адвокатуру, организация которой в виде самоуправляемой корпорации была воспринята Судебными уставами. Но огромная заслуга «первопроходцев» Арсеньева и Урусова, кстати, в совершенстве владевших французским языком и оттачивавших свои юридические познания в университетах Парижа и Бонна, было то, что они изначально, скорее даже не осмыслили, а остро почувствовали: перенесение французских образцов на отечественную почву непродуктивно.

Впоследствии Арсеньев, основываясь на двадцатилетнем защитительном опыте русской адвокатуры, отмечал, что в сравнении с французской ее сила в том, что «она меньше опутана рутиной, меньше усвоила себе шаблонных приемов. Комплименты судьям и присяжным, чрезмерные восхваления подсудимых, мольбы об оправдании или снисхождении, идущие от имени родителей, детей или жены подсудимого, стремление подействовать на слабые стороны суда, заранее рассчитанные и подготовленные призывы к божественному правосудию — все это настолько необычно у нас, насколько заурядно во Франции. Отсюда еще не следует, конечно, чтобы наша адвокатура стояла выше французской — она только отражает в себе свойства русской натуры, условия русской действительности». То, что «французские образцы для нас совсем непригодны», Андреевский в своей знаменитой лекции «Об уголовной защите» объяснял отличиями российского суда присяжных от своего французского собрата: «Наш суд присяжных, хотя и заимствован из Франции, но на деле проявил столько национальной своеобразности, что сходство осталось в одних формах. Каковы бы ни были несовершенства нашего суда, но он так нов, свеж и молод, что у него есть громадное преимущество всякой здоровой молодости: ему принадлежит будущее. Этот суд вызвал к жизни и адвокатуру, которая поневоле должна

была создавать новые формы... Если бы французская адвокатура, создавшая в прошлом столько чудесных ораторов, предстала пред нашим «судом совести», то она оказалась бы «старой крысой».

Корифеи «первого призыва», их ученики и последователи создали и развили новую национальную школу судебного красноречия, чуждую внешних эффектов, напыщенной театральности, основанную на высоких нравственных требованиях к оратору, простоте, правдивости, искренности и личной скромности.

Каждый из представленной в настоящем Сборнике «великолепной семерки» удостоился высоких оценок еще при жизни, на примерах их защитительных речей построены методические рекомендации многих научных работ по ораторскому искусству.

О речах Арсеньева говорилось, что они «могли бы с величайшим успехом явиться украшением любой западноевропейской парламентской трибуны».

«Он первый дал образец защиты живой, человеческой, общедоступной, — обрисовал роль Урусова в становлении судебного красноречия Андреевский. — Мы помним, каким действительно весенним громом пронеслось над Россией это молодое, чудесное имя. Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Он был не из тех адвокатов, которые делаются известными только тогда, когда попадают в громкое дело. Нет, он был из тех, которые самое заурядное дело обращали в знаменитое одним только прикосновением своего таланта».

«Этот русский говорит слогом Шекспира», — отозвался о речи Александрова в защиту Веры Засулич известный французский журналист Э. Лавинь.

«Талант Владимира Ивановича создал ему среди нас выдающееся положение, но он не увлекался легкими успехами и до конца жизни не перестал отличаться трудолюбием и великою скромностью... Его талант и остроумие, так ярко блиставшие у него, не поддаются подражанию, — это дар свыше», — так откликнулись в некрологе на смерть Жуковского его товарищи по профессии.

«Тонким словесным кружевом» называл Кони речи Хартулари, восхищаясь его умением добиться чистоты, прозрачности при донесении до суда самых сложных вопросов.

«Он готовится к делу с выдающимся прилежанием... В нем большой запас той энергии, которая толкает на работу и часто дает

успех и при тяжелых условиях...» — это уже оценка Холева историком, тонким ценителем адвокатской профессии Ляховецким.

Они различались — профессиональными пристрастиями, тяготением к разным категориям дел, природными способностями к импровизации или интуитивному предвидению всех опасных поворотов процесса, особенностями ораторских приемов. Поразному и готовили они свои речи. Одни их писали полностью (Холев), другие обозначали только главные тезисы защиты (Урусов), третьи речь тщательно продумывали и проговаривали, но, произнося ее, могли вообще не иметь перед собой никаких записей (Александров).

Объединяла корифеев любовь к профессии, верность адвокатскому долгу и неустанный труд, развивавший их природный художественный дар либо сделавший их выдающимися ораторами даже без помощи «матушки-природы».

В истории каждой страны есть страницы, которыми можно гордиться, и те, которых надо стыдиться. Элита присяжной адвокатуры — гордость России.

Генри Резник

Президент Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист России

УРУСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Урусов Александр Иванович (1843—1900 гг.) — родился в Москве 2 апреля 1843 г. В 1861 г. он благополучно окончил московскую гимназию. Поступив на юридический факультет Московского университета, он за участие в студенческих волнениях был отчислен из него с первого же курса. В 1862 г. вновь сдает экзамены и проходит по конкурсу в тот же университет.

Урусов в одинаковой мере известен как талантливый защитник и обвинитель. Из обвинительных речей, произнесенных им, широкой известностью пользовались его речи по делу Гулак-Артемовской и по делу Юханцева. Как защитник стал известен после выступления по делу Марфы Волоховой. А. Ф. Кони вспоминал по поводу этого выступления Урусова: «Посетители Московского суда того времени (1866—1867 гг.) вспомнят, быть может, неслыханный восторг присутствующих после защитительной речи по делу Волоховой, обвинявшейся в убийстве мужа, — речи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора улик тяжелое и серьезное обвинение».

Успех к Урусову шел быстро. Вскоре после вступления в адвокатуру он завоевал широкую популярность и пользовался такой же известностью, как и Ф. Н. Плевако.

После рассмотрения известного Нечаевского дела, в котором он выступал в качестве защитника Успенского, Урусов, находясь в Швейцарии, ратовал за то, чтобы Нечаева как лицо, обвинявшееся в политическом преступлении, швейцарское правительство не выдавало бы России. За это он поплатился многолетней административной ссылкой.

По возвращении из ссылки Урусов к работе в адвокатуре допущен не был. Лишь спустя несколько лет, после неоднократных просьб, ему вновь удалось стать присяжным поверенным.

Урусов — талантливый судебный оратор. Литературный стиль его речей безупречен. Ум его живой, острый, восприимчивый. Оратор умеет и охотно идет на острую полемику с противниками.

Андреевский назвал его создателем литературного языка защитительной речи. Оценивая его ораторские достоинства, он писал: «Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Он был не из тех адвокатов, которые делаются известными только тогда, когда попадают в громкое дело. Нет, он был из тех, которые самое заурядное дело обращали в знаменитое одним только прикосновением своего таланта. Оригинальный ум, изящное слово, дивный голос, природная ораторская сила, смелый, громкий протест за каждое нарушенное право защиты, пленительная шутливость, тонкое остроумие — все это были такие свойства, перед которыми сразу преклонялись и заурядная публика, и самые взыскательные ценители»[1].

Однако пылкость, задорность, иногда погоня за столкновением с противником, из которых он рассчитывает красивой и звонкой фразой выйти победителем, неоднократно вредили делу.

Урусов много уделял внимания внешней отделке речи и не всегда заботился о фундаментальной подготовке дела. Он добивался блестящих успехов по делам, которые давали материал для воздействия на чувства слушателей. Там, где требовался глубокий анализ, он не всегда был на высоте.

Оставляя в стороне вопрос о правильности позиции Урусова по делу Дмитриевой, включенному в Сборник, следует отметить, что, при всех ее хороших качествах, она уступает глубине и обстоятельному разбору доказательств по этому же делу Ф. Н. Плевако. Заключительный довод речи Урусова, психологически очень сильный: «Щадите слабых, склоняющих перед вами усталую голову; но когда перед вами становится человек, который, пользуясь своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд действительно сила — сила разумения и совести, и согнете ему голову под железное ярмо закона», — был очень хорошо отпарирован Плевако.

[1] *Андреевский С. А.* Драмы жизни. — Петроград, 1916. — С. 622.

Возражая Урусову, он в своей речи сказал: «Вы не дадите себя увлечь, правда, громким, сильным, но все-таки недостойным правосудию доводом, сказанным моим предшественником. Осудить Карицкого потому, что он сильный человек, обвинить потому, что он не склоняет головы, внушали вам. Вы сделаете честное дело, говорили вам, вы покажете, что русский суд — сила, что смеяться над ним нельзя. Господа, обществу нужно правосудие; правосудие же должно карать тех, чья вина доказана на суде. Общество не нуждается, чтобы для потехи одних и на страх другим время от времени произносили обвинение против сильных мира, хотя бы за ними не было никакой вины. Теория, проповедующая, что изредка необходимо прозвучать цепями осужденных, изредка необходимо наполнять тюрьмы жертвами, недостойна нашего времени. Вы не поддадитесь ей! Подсудимый, вина которого не доказана, может вверяться смело суду вашему».

Большую известность приобрел Урусов своими выступлениями как гражданский истец. Одна из таких его речей (по делу Сарры Беккер) включена в Сборник.

В годы реакции — в 80-х годах — во время еврейских погромов, выступал по этой категории дел в качестве гражданского истца. Несмотря на преследования в печати, его выступления отличались мужеством и принципиальностью, в них он старался пробудить негодование передовой интеллигенции против этого позорного явления. Охотно проводил процессы в защиту лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за религиозные убеждения.

Литературный стиль его речей был всегда образцовым, отличался простотой изложения, последовательностью и ясностью. В своих речах А. И. Урусов иногда позволял некоторые вольности с фактическим материалом, с их обрисовкой, за что его неоднократно упрекали его же коллеги.

Пользовался большой известностью не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Приглашался для участия в процессах, слушающихся за границей. В 1891 г. защищал в Парижском суде Леона Блуа, обвинявшегося в диффамации.

Адвокатскую деятельность Урусов сочетал с литературной работой. Сотрудничал в «Библиотеке для чтения», издаваемой П. Д. Боборыкиным, в «Русских ведомостях», в «Порядке» и др.

ДЕЛО ВОЛОХОВОЙ[1]

Дело слушалось в Московском окружном суде в 1867 г.

Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возражении пойду шаг за шагом, вслед за товарищем прокурора. Мы, удостоверясь в существенном значении улик, взвесим их значение, как того требует интерес правды, и преимущественно остановимся не на предположении, а на доказательствах. Искусная в высшей степени речь товарища прокурора, основанная преимущественно на предположениях...

Председательствующий. Господин защитник, я прошу вас удерживаться, по возможности, от всяких выражений одобрения или порицания противной стороны.

Защитник. Господин товарищ прокурора в своей речи сгруппировал факты таким образом, что все сомнения делаются как бы доказательствами. Он озарил таким кровавым отблеском все улики, что мне приходится сознаться, что вы, господа присяжные,

[1] Печатается по: Русские судебные ораторы. – М. : Юрид. лит., 1958.

должны были склониться несколько на его сторону. Вспомните, господа, что мы два дня находимся под довольно тяжелым впечатлением. Наслоение впечатлений, накопившихся в продолжение этих двух дней, не дает нам возможности сохранить ту долю самообладания, которая дала бы возможность строго взвесить все улики и скептически отнестись к тому, что не выдерживает строгого анализа. Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем случае народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребе дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение — она виновна. Почему? Больше некому. Вот народная логика.

Для того чтобы нагляднее понять, что такое народный голос в настоящем случае, необходимо вспомнить существенные черты характера действующих лиц. Каков человек был Алексей Волохов? Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла (по осмотру оказалось, что в его доме было разбито до 40 стекол); когда он возвращался пьяным домой, он шумел, но при этом, как показали все свидетели, он стоял крепко на ногах. Эта индивидуальная черта его имеет весьма важное значение. Замечательно, что никто из свидетелей не подтвердил главного обстоятельства, никто не сказал, вернулся ли Алексей Волохов 17 августа домой ночевать, тогда как в два или три часа его видели на улице пьяным. Мы знаем, что он был в этот день несколько раз в трактире. Никита Волохов видел, как он шел по улице с каким-то мужиком пьяный, но он не сказал, что видел его, как он вошел в дом. Если бы было доказано, что он ночевал в этот день дома, то это было бы довольно сильной уликой против подсудимой, между тем почти положительно можно утверждать, что он не ночевал дома, так как его ближайшие соседи, Никита и Семен Волоховы, непременно должны были слышать его возвращение. Член суда, производивший осмотр, удостоверяет, что из половины Семена слышен был даже обыкновенный разговор в половине Алексея, а тем более должны были быть слышны шум и крики, без которых невозможно было совершить убийство.

Господин товарищ прокурора делает предположение, что Волохов был убит сонным, но я полагаю, что делать предположения в таких важных делах мы не имеем никакого права. По мнению эксперта Доброва, подтеки на руках убитого могли произойти от сильного захвата рукой; если допускать предположение, то в этом случае возникает сильное сомнение о самом обстоятельстве дела. Относительно показания мальчика Григория я должен заметить, что оно носит на себе явный след искусственности. Вы слышали, господа присяжные, что мальчик признавался, что он действовал по научению дяди; если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он от 17 до 22 августа никому ничего не говорил, он бегает свободно по улицам, играет с мальчиками, и мать его свободно отпускает. Остановимся на минуту на предположении, что убийство совершено ею и мальчик видел это, то неужели бы она отпустила его на улицу, где каждый мог бы его спросить об отце? Впрочем, остановимся на его показании: он говорит, что видел, как мать его ручкой топора без железа била его отца; потом он говорит, что видел отца в погребе; ясно, что мальчик смешивает время, он легко мог видеть, как отец его пьяный спал и у него из носу текла кровь, после же он слышал, что отец его найден в погребе. Мальчик явно перемешал события; выдумкой в его рассказе является только показание его о топоре. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы так долго помнить о таком событии. Далее, в числе улик товарищ прокурора приводит то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать к Прохоровым; он объясняет это ее боязнью оставаться ночевать в том доме, в котором она только что совершила убийство; но эта улика достаточно опровергнута следствием, так как свидетели показали, что она и прежде ночевала у соседей, когда муж ее возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что муж долго не возвращается, и думая, что он возвратится пьяный, она уходит ночевать к соседям. Господин товарищ прокурора не допускает того, чтобы она, уйдя из дома, не заперла ворот, но я должен заметить: во-первых, что ей незачем и нечего было запирать, так как у нее в доме ничего не было; во-вторых, раз вышедши из ворот, запереть их изнутри невозможно. Вы слышали, что Мавра Егорова ушла ночевать к Прохоровым, дом оставался пустой. Никита, бывший в то

время ночным сторожем и живший рядом, не мог не знать этого. Никита говорит, что он не помнит, караулил ли он 17 августа. Он отрицает драку свою в тот день с Алексеем Волоховым, отрицает даже, что был в тот день в трактире, но мы должны в этом случае более доверять показанию трактирщика. Я считал излишним загромождать судебное следствие вызовом трактирщика и других, видевших Никиту в трактире. Я не имею права составлять новый обвинительный акт, но странным является отрицание Никиты о бытности его в трактире с Алексеем Волоховым.

Затем я должен остановиться на осмотре следов крови, найденных в верхней части дома. Пол в комнате был найден замытым на три квадратных аршина, в пазах пола были найдены небольшие сгустки крови. Я говорю «небольшие» на том основании, что если бы куски были большие, то они были бы перед вами в числе вещественных доказательств, вместо этих забрызганных кровью щепок, которые лежат перед вами. Из медицинского осмотра мы видим, что у Алексея Волохова вскрыта была полая вена, из которой должно было быть обильное кровотечение; кроме того, Алексей Волохов был человек с сырой, разжиженной кровью, следовательно, кровь должна была вытечь из его тела в огромном количестве; должны были быть крупные фунтовые сгустки крови, и тогда незачем было бы соскабливать маленькие кровяные пятнышки, чтобы представлять их к судебному следствию; тогда нужно было бы представить эти большие сгустки. Между тем мы их не видим. Так как наука не в состоянии доказать, какая кровь найдена была в верхней комнате, то не было бы причины подозревать непременно, что это кровь человеческая, но, заметьте, что подсудимая сама не отрицает того, что это была кровь Алексея Волохова, и объясняет это кровотечением из носу. Мы не имеем причины не доверять ей в этом случае, тем более что фельдшер подтвердил, что он ставил банки Алексею Волохову, который жаловался на приливы крови в голове.

Правда, общественное мнение склоняется не в пользу подсудимой. Оно говорит, что подсудимая была злого и сердитого характера, но не надо забывать того, что это мнение было высказано тогда, когда в народе уже сложилось убеждение в виновности подсудимой, и потому доверять ему вполне нельзя.

Далее. И товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину. Я должен прибавить, что эта женщина десять лет была замужем. Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в этом случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повального обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены. В доказательство ее нравственных качеств я должен прибавить, что она на повальном обыске никого не отвела от свидетельства о ее поведении. Здесь, на судебном следствии, она требовала, чтобы все свидетели были спрошены под присягой, хотя я накануне заседания объяснял ей, что свидетелям, спрошенным без присяги, дается менее вероятия, но она отвечала мне: «Авось они оглянутся и покажут правду», — так твердо она была уверена в своей невиновности. Товарищ прокурора находит, что у Алексея Волохова не было врагов, не было причины враждовать против него, но судебное следствие показывает нам, что могли быть причины вражды: он нанимался не раз в рекруты и не исполнял обещания. Кроме того, я должен сказать, что жена Никиты судилась как-то с одним мужиком по вопросу об изнасиловании, что могло подать повод к насмешкам со стороны подсудимой и тем возбудить против нее вражду. Кроме того, для братьев покойного Алексея мог служить предметом зависти дом его. Я не хочу сказать, чтобы для братьев его мог быть интерес убить Алексея, этот интерес мог и не существовать, но зато мог быть интерес скрыть преступника. В числе других улик, выставленных господином товарищем прокурора, он указывал на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла его жуликом, мошенником и каторжником. Но кому неизвестно, что в народе употребляются более резкие ругательства, и они не могут давать повода к подозрению совершения преступления. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотреть на развратный вид пьяного мужа, который действительно выглядел арестантом. Далее, товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребе, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступление, то ее нужно

признать за какое-то исключение из всех людей. Между тем, если допустить, что убийство совершено было посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб от улицы был в семи шагах — все это очень хорошо мог знать ночной сторож.

Товарищ прокурора замечает, что трудно предположить, чтобы посторонний убийца сходил за мешком, в который положил Волохова. Я согласен, что это трудно, но еще труднее предположить, чтобы был отыскан мешок там, где его не было, а мы знаем, что Мавра Егорова не имела мешка, она даже брала мешок у соседей, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершив убийство, уничтожила все следы преступления, замыла кровь на полу в верхней комнате, то почему же она не замыла пятен крови, оказавшихся на окнах и стенах.

Кроме того, и из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употреблять три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом не может быть и спора, но закон говорит, что для того чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей. В настоящем же случае я полагаю, что убеждение в виновности подсудимой ни в каком случае не могло у вас сложиться. Тому показанию свидетелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у соседей, я ни в каком случае не могу доверять. Они показывают так потому, что боятся, чтобы не навлечь почему-либо в этом случае на себя подозрения, и показывают так для того, чтобы окончательно отстранить себя от всяких подозрений. Далее, товарищ прокурора говорит, что подсудимая постоянно клевещет на свидетелей; клевещет ли она, я предоставляю судить об этом вам, господа присяжные; я со своей стороны думаю, что большей искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы недостаточно убедились моими доводами, то я должен заявить вам, что случаи судебных ошибок нередки в уголовной практике. Нужно надеяться, что эти ошибки будут реже и реже. Тем не менее я могу допустить, чтобы суд присяжных мог допускать такие ошибки. Вы, господа присяжные, должны поста-

новить свой приговор, основывая его на убеждениях логических, а не формальных.

Господа присяжные, настоящее преступление совершено было среди белого дня, между тем Семен Волохов говорит, что он, вернувшись вечером домой, никакого шума в квартире Алексея не слыхал.

Показание Прохорова об ужасе подсудимой, когда она пришла к нему ночевать, ничем не подтвердилось. Я с изумлением замечаю, что товарищ прокурора в числе улик признает слова ее, сказанные Никите, что если ее притянут к суду, то он будет стоять с ней на одной доске. Если придавать этим словам значение, то странно, почему же Никита не был привлечен к суду. Я объясняю слова ее так: она хотела этим выразить, что если ее, против которой нет никаких улик, привлекут к суду, то тем более должны привлечь к суду Никиту, который был сторожем в деревне и должен знать, кто совершил убийство. В заключение я должен упомянуть о краже 150 рублей. Мавру Егорову постоянно попрекает сноха тем, что она нищая, что муж ее все у нее пропил. Она из досады похищает у снохи деньги, но совесть ее мучит, и она открывается в этом священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говорит перед священником, что она, а не муж ее, украла деньги. Тот берет клятву с Семена и его жены в том, что те никому не расскажут о происшедшем. Что же происходит? Вот, господа присяжные, насколько нравственными личностями являются Семен Волохов и его жена. Только что поклявшись перед образом, они через полчаса нарушают эту клятву. Представляю вам судить, насколько можно доверять этим личностям в их показаниях.

Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем.

Подсудимая была оправдана.